

УДК 330.812(470)
ББК 65.02(2)51

Ю.В. Латов

*доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления МВД России*

«КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ» — ГОЛОС «БЕЗМОЛВСТВУЮЩЕГО БОЛЬШИНСТВА»*

Предлагается интерпретация «Книги о скудости и богатстве» как выражения «простонародных» взглядов, как голоса «безмолвствующего большинства» россиян рубежа XVII–XVIII вв. Такая гипотеза в принципе сохраняет за Посошковым статус первого русского экономиста, однако выводит его за границы российской экономической науки. Одновременно она заставляет сделать вывод о глубокой укорененности авторитарных стереотипов в общественном сознании россиян.

Ключевые слова: экономическая мысль, экономическая антропология, обыденное сознание, социально-экономическая ментальность, азиатский способ производства.

Yu.V. Latov

*D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics,
Associate Professor, Academy of Management
of the Ministry of the Interior of Russia*

THE «BOOK ON POVERTY AND WEALTH» AS A VOICE OF THE «SILENT MAJORITY»

The «Book on Poverty and Wealth» is interpreted as an expression of views of ordinary people and a voice of the «silent majority» of the Russians at the turns of the

* При подготовке данной статьи были использованы отдельные фрагменты более ранней статьи автора по поводу взглядов И.Т. Посошкова [3].

17-18th centuries. Such hypothesis not only keeps the Pososhkov's status of the first Russian economist, but also puts him behind the frames of Russian economic science. Moreover, it leads to the conclusion on deeply rooted authoritarian stereotypes in the Russian national consciousness.

Keywords: economic thought, economic anthropology, mundane consciousness, social and economic mentality, Asian production method.

Ивана Тихоновича Посошкова (1652-1726) часто называют первым российским экономистом. Для этого есть серьезные основания: его трактат «Книга о скудости и богатстве» можно считать первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным более или менее комплексному анализу социально-экономических проблем, — торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т.д. Поэтому 24 февраля 1724 г. (именно этой датой И.Т. Посошков подписал свою книгу) российские экономисты имеют право считать датой рождения отечественной экономической науки и отмечать в феврале 2014 г. 290-летие рождения отечественной экономической науки.

Анализ «Книги о скудости и богатстве» и судьбы ее автора выводит на обсуждение общих проблем институционального развития российской экономики, поскольку отражают противоречия и проблемы не только петровских реформ, но и всей почти 400-летней очень непростой истории модернизации российского общества.

«Конкурс» на звание «первого русского экономиста»

Становление экономической науки — одно из институциональных условий модернизации докапиталистических обществ. Именно экономическая наука дает индустриальному обществу новую идеологию и новые подходы к решению практических проблем вы-

работки «правил игры». Поэтому генезис национальной экономической науки есть важный маркер зрелости ее экономики в период генезиса капитализма.

А когда и как родилась экономическая наука в России? Ответ на этот вопрос, мягко говоря, непросто, поскольку это рождение сильно «размыто» во времени (как, впрочем, и рождение российского капитализма).

Как известно, уже во времена молодого Александра Пушкина в России появились собственные свежеслушанные «экономы», которые могли учено рассуждать, «как государство богатеет». Правда, не надо путать экономику как учебную дисциплину и экономику как полноценную науку. Обучение «экономии политической» началось в России с 1801 г. с чтения Христианом Шлецером курса политической экономии в Московском университете. Однако профессиональные ученые-экономисты, работающие на уровне современной им мировой науки, появились в нашей стране не раньше чем еще через полвека, во времена И.К. Бабста, А.И. Чупрова и Н.Ф. Даниельсона. Еще чуть позже, во времена М.И. Туган-Барановского, российская экономическая наука стала (правда, ненадолго, до 1930-х гг.) уже вполне полноценным участником международного «ансамбля» экономистов-новаторов.

Итак, последняя треть XIX в. — это завершение становления российской экономической науки. А где же ее начало?

В заочном «конкурсе» на звание «первого русского экономиста» у Ивана Посошкова немало конкурентов.

В принципе начало обсуждения «политэкономических» проблем России можно отсчитывать с дискуссий иосифлян и нестяжателей о церковном землевладении в первой половине XVI в. Увы, хотя тема той дискуссии была вполне экономической, участники тех «прений» использовали «не совсем» экономические аргументы, к тому же информация о той дискуссии слишком ла-

конична. Поэтому канонизированных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского лучше считать своего рода «святыми покровителями» российской экономической науки, но не ее родоначальниками.

В качестве ближайшего предшественника Ивана Посошкова можно назвать Ивана Пересветова, публициста времен Ивана Грозного. Судьбы этих двух мыслителей напоминают две вариации на одну тему с разрывом почти в 200 лет. Оба писали челобитные-трактаты для царя-батюшки в надежде, что он последует их добрым советам и сделает самодержавную власть еще самодержавнее. Оба стремились реформировать все на свете — не только экономику страны, но и ее судебную систему и даже военные приемы. Оба с интересом смотрели на опыт Турции: как Пересветов жаждал ввести в Россию «правду турецкую», так и Посошков возлагал надежды на перевод «турецкого судебника». Оба, видимо, в результате своих попыток «учить» царей плохо кончили. Книги обоих мыслителей оказались надолго похоронены в государственных архивах и «ожили» почти одновременно лишь в начале XIX в. У Ивана Посошкова, однако, в «соревновании» с Иваном Пересветовым за звание «первого российского экономиста» есть, как минимум, одно явное преимущество: он написал гораздо больше. Поэтому в его энциклопедической «Книге о скудости и богатстве» можно найти и гораздо больше экономических сюжетов, чем в Большой челобитной Пересветова.

У Посошкова есть еще один предшественник-«конкурент» — старший современник Юрий Крижанич, автор тоже вполне энциклопедической «Политики» (1660-е гг.), где затрагивался примерно тот же круг вопросов, что и в «Книге о скудости и богатстве». Если Посошков западно-европейскую культуру отвергал с порога (по принципу «не читал, но осуждаю»), то Крижанич был вполне европейски-образованным интеллектуалом. Увы, хотя Крижанича постоянно «при-

писывают» к российской экономической мысли, все понимают, что он там находится «на птичьих правах». Иностранец-хорват, да еще и «агент Ватикана» вряд ли может рассматриваться не только как основоположник, но даже как полноправный участник экономической мысли «Святой Руси». По крайней мере, в наши дни.

Конкуренцию Посошкову могли бы составить многочисленные русские дворянские публицисты XVIII в., от Василия Татищева до членов Вольного экономического общества. Но в историю российской экономической науки этих мыслителей пропускают неохотно за слишком прикладной и недостаточно системный (не-монографический) характер их работ.

Таким образом, в «соревновании» за звание «первого российского экономиста» Посошков определенно побеждает, хотя и не за «явным преимуществом», а скорее «по очкам». Все понимают, что в сравнении с современными ему западноевропейскими экономистами (типа, скажем, Вильяма Петти) Иван Посошков смотрится не очень выигрышно — хотя бы в силу более низкого культурного багажа. Это отчетливо проявляется не только в содержании, но и в стилистике «Книги о скудости и богатстве», которая вряд ли может похвастаться строгой научной логикой. В трудах «первого российского экономиста» новорожденная российская экономическая наука выглядит как-то слишком «посконно и домотканно». В такой ситуации многое списывается на «самобытность» первого российского экономиста, в результате нужда приобретает гордые черты добродетели.

В поисках «ярлыка»

Бросающаяся в глаза «самобытность» Посошкова ставит перед «посошкововедами» нелегкий вопрос: к какой экономической школе его отнести?

Еще в XIX в. стало принято считать его меркантилистом. Ведь поскольку Посошков явно не классик

(с его-то дифирамбами в адрес всемогущей государственной власти), то он может быть только меркантилистом, других современных ему экономических направлений просто нет. В современной литературе часто делают оговорку, что Посошкова хотя и можно называть меркантилистом, но его взгляды ближе к камералистике — полидисциплинарной (по современным представлениям) науке XVIII–XIX вв. о государственном управлении обществом в целом и хозяйством в частности. Камералистика и меркантилизм не противостояли, а скорее дополняли друг друга: если меркантилисты акцентировали внимание на вопросах внешней торговли, то камералисты — на вопросах внутреннего управления. В обоих подходах речь шла о проблемах государственного управления экономикой страны.

Впрочем, в наши дни нередко звучит сопоставление идей Посошкова с классической политической экономией. Утверждение, что Посошков во многом стоит выше западных меркантилистов, на уровне ранних экономистов-классиков, обосновывают тем, что автор «Книги о скудости и богатстве» считал богатством (подобно Вильяму Петти) не только деньги и материальные ценности, но также и людей. Подобострастное отношение к государственной власти, совершенно не свойственное классикам, списывают при таком подходе на «российскую специфику».

В наши дни получило распространение другое решение этой старой проблемы — более оригинальное, но, пожалуй, менее корректное. Во всезнающей Википедии можно прочесть: «И.Т. Посошков был первым последовательным институционалистом в истории экономических учений». Следуя этой логике, наш Посошков «опередил» американского Веблена почти на 200 лет. Определенное рациональное зерно в таком суждении есть: Посошков действительно во многом похож на таких отечественных институционалистов, как Ю.М. Осипов, хотя и далек от институционалистов типа А.А. Аузана.

Решение вопроса об атрибуции взглядов Посошкова (его принадлежности к меркантилистам, к экономистам классического направления, к институционалистам...) чаще всего явно или неявно опирается на уподобление истории России истории Западной Европы. Считается, что, переживая одинаковые с Западной Европой стадии развития, Россия должна была генерировать сходные экономические теории. Этому привычному ходу мыслей не препятствует даже тот очевидный факт, что первый русский экономист заведомо не был знаком с зарубежным обществоведением и вообще отрицательно относился к западной цивилизации¹.

Из привычной колеи мысли можно выйти, если признать Россию страной «не совсем» европейской. Именно такой ход мысли предложил, в частности, Р.М. Нуреев, известный своими работами по проблемам азиатского способа производства. Если признать Россию нового времени страной с существенными чертами «восточного деспотизма», то можно предложить поискать черты сходства «Книги о скудости и богатстве» не с западной, а с восточной традицией экономической мысли. Именно это и демонстрирует в своей статье в данном номере журнала Р.М. Нуреев. Правда, интерпретация «Книги о скудости и богатстве» как принадлежащей к направлению «государевой литературы» тоже может вызвать определенные возражения. Ведь с «Речениями Ипусера» и с «Артхашастрой» Иван Посошков был знаком не больше, чем с работами современных ему западных меркантилистов и камералистов.

Выход за пределы западноевропейских школ экономической мысли можно осуществить и по-другому.

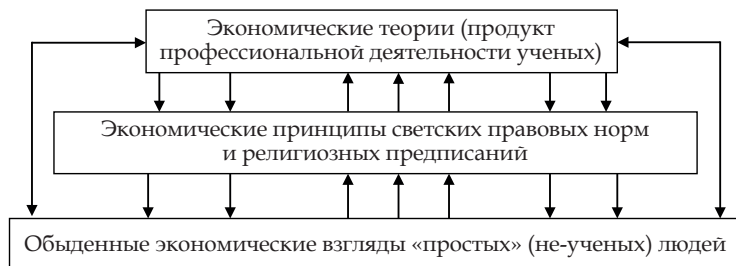
¹ Неизвестно, какое именно образование получил (и получил ли вообще) первый русский экономист. Вероятнее всего, он был полным самоучкой; из литературы по экономической тематике ему был знаком, видимо, только «Домострой», приписываемый Сильвестру.

В современной литературе (особенно, сторонниками «философии хозяйства» Ю.М. Осипова) активно разрабатывается точка зрения об особом «русском направлении» в экономической мысли. «Русское направление» — это, конечно, скорее указание на путь к ответу, чем сам ответ. Если российская цивилизация отличалась от Запада и от Востока, то она может в принципе иметь собственную традицию экономической мысли, качественно отличающуюся от западных и восточных традиций. Вот только трудно назвать как предшественников (кроме разве что коллективного автора «Домостроя»), так и прямых последователей Посошкова. В результате мы рискуем получить «русскую школу», состоящую из одного-единственного человека. Самое главное, отсылки на «русский дух» указывают на специфику, но не объясняют, насколько она велика (настолько ли, что русские экономисты абсолютно ни с кем не сопоставимы?) и каковы ее причины.

Заметна явная растерянность специалистов по истории экономических учений, которые видят ярчайшую специфичность взглядов Ивана Посошкова и теряются в попытках найти для нее подходящий «ярлык». Видимо, есть смысл попытаться выйти из замкнутого круга перебора школ и традиций экономической науки, отдельные признаки которых можно найти в «Книге о скудости и богатстве». А что если Посошков вообще *не принадлежит ни к одной экономической школе?*

Книга Посошкова как памятник простонародной экономической мысли

Для понимания сути проблемы попробуем построить комплексную модель системы экономических знаний (рис.). По нашему мнению, она похожа на пирамиду, которая состоит как бы из трех этажей.

Структура системы экономических знаний

Экономическая наука (совокупность экономических теорий) — это самый «верхний этаж», самый глубоко проработанный и логически упорядоченный свод знаний и оценок, выработанный профессиональными экономистами. Экономическая наука опирается (и одновременно влияет) на экономические принципы, зафиксированные в правовых актах и религиозных нормах, которые вырабатываются представителями культурной элиты, но не экономистами. Основанием всего этого «здания» служит обыденное экономическое мышление, носителями которого являются обычные люди. В этой системе все три элемента влияют друг на друга, причем взаимовлияние экономических представлений «простых людей» и ученых-экономистов чаще всего опосредовано правовыми и религиозно-этическими нормами.

В любом курсе по истории экономической мысли изложение начинается с экономических идей «Законов Хаммурапи», Библии и т.д. Однако затем, начиная с изложения событий нового времени, интерес авторов учебников к экономическим идеям, выраженным в правовых кодексах и религиозных предписаниях, почти пропадает (если не считать сюжетов, связанных с «протестантской этикой»). Характеризуя экономическую мысль России последнего полувека, никто из историков экономической мысли уже не анализирует, скажем, нормы Уголовного кодекса или принципы социальной доктрины Русской Православной Церкви.

Такое «выпадение» правовых норм и религиозных предписаний из числа памятников экономической мысли объясняют (точнее, подразумевают объяснить) тем, что по мере развития более «высоких» форм экономических знаний (т.е. экономических теорий) более «низкие» формы теряют самостоятельное значение. Этот тезис сомнителен даже в отношении к современным высокоразвитым странам: число тех людей, кто ходит в церковь и слушает там проповеди, пока еще существенно больше числа тех, кто является «глубоким экономом» (т.е. глубоко изучает и воспринимает экономические теории). Еще более сомнителен он для характеристики массовых умонастроений людей до-современных (до XX в.) эпох.

Хуже всего в истории экономической мысли отражены элементы самого нижнего «этажа» системы экономических знаний. Обыденные экономические взгляды не-ученых людей изучаются антропологами (представителями экономической и исторической антропологии) и относительно редко привлекают внимание историков экономической мысли. В результате, например, для объяснения «черного передела» и последующего огосударствления земли в России после 1917 г. всегда вспоминают партийные программы эсеров и большевиков, но заметно реже — обычное право крестьян и вообще «народные» представления о правах собственности.

Изучение «простонародных» (обыденных) представлений о хозяйственной жизни затруднено слабостью или даже отсутствием источников. Скажем, в России обычное право крестьян начали активно изучать только со второй половины XIX в., причем нельзя сказать, что объект был вполне понят (по крайней мере, в годы Гражданской войны поведение крестьян оказалось довольно неожиданным для всех «городских» политиков).

Чтение «Книги о скудости и богатстве», на наш взгляд, — это редкий шанс услышать голос российско-

го «безмолвствующего большинства» (воспользуемся термином А.Я. Гуревича [2]) почти 300-летней давности. Термин «культура безмолвствующего большинства» был предложен А.Я. Гуревичем для обозначения ментальности простых людей эпохи средневековья — чаще всего неграмотных, но, тем не менее, имеющих определенные представления об окружающем мире («картину мира»). Данное понятие часто истолковывается более широко: им пользуются для обозначения всех массовых не-элитных групп населения («угнетенных классов» по К. Гинзбургу), мнения которых формируются в результате жизненного опыта, а не ученых занятий, и не находят прямого выражения в письменной культуре.

Прежде всего, правомерно ли отнести Посошкова к «безмолвствующему большинству»? Четко определить социальный статус Ивана Тихоновича Посошкова довольно сложно: выходец из сословия государственных крестьян (точнее дворцовых оброчных непашенных крестьян), он вряд ли вел когда-либо обычную крестьянскую (землепашескую) жизнь, занимаясь с юности ремеслами, торговлей и предпринимательством. Однако к «простонародью» его отнести (конечно, с рядом оговорок) вполне можно. Нам относительно хорошо известна его бизнес-деятельность при Петре I, в которой успехи чередовались с провалами, но к концу жизни И.Т. Посошков смог стать умеренно состоятельным собственником — владельцем дома в Петербурге, имения и нескольких десятков крепостных крестьян. Однако не следует забывать, что Посошков встретил петровские реформы уже в очень почтенном возрасте. Родившийся в 1652 г., Посошков сформировался как личность еще во времена царствования Алексея Михайловича. С большой долей условности Посошкова следует отнести к «ремесленно-крестьянской интеллигенции» допетровской России. Только такие люди с пограничным социальным статусом могут артикули-

ровать взгляды «безмолвствующего большинства»: у них достаточно возможностей для умственной работы, и в то же время они достаточно «близки к народу», чтобы выступить от его имени.

Конечно, взгляд на «Книгу о скудости и богатстве» как на выражение «простонародных» суждений и мнений требует определенных оговорок. Трудно сказать, в какой степени Посошков писал о том, в чем он был солидарен со своим социальным окружением, а в какой степени выражал лично свои суждения. Историки-антропологи, работающие в традиции микроистории (вспомним в этой связи знаменитую книгу итальянского историка Карло Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.»), обречены на постоянные сомнения в репрезентативности своих «точечных» наблюдений. Тем не менее, сопоставление взглядов Посошкова с тем, что известно о мировоззрении русских крестьян нового времени, вполне подтверждает гипотезу о «простонародности». Перед нами — типичное вплоть до начала XX в. сочетание веры во всемогущество царской власти («У нас не вес имеет силу, но царская воля») с очень критической оценкой конкретных действий царской администрации («плохих дворян»). Как и о герое книги К. Гинзбурга, о Посошкове можно сказать, что он «не выходит за пределы культуры своего времени и своего класса» [1, с. 42].

Уникальность «Книги о скудости и богатстве», которой трудно найти близкие аналоги, согласно нашей гипотезе, во многом объясняется уникальностью петровской эпохи — в частности, противоречивым сочетанием авторитаризма и демократизма царя-плотника. В странах Запада и Востока было много подобных Посошкову умствующих «выходцев из народа», но никому из них не приходило в голову написать и преподнести императору, королю или султану поучение, как им надо преумножать государственное благосостояние, поскольку «до бога высоко, до царя далеко».

Там трактаты на социально-экономические темы писали ученые представители элиты (типа визиря Низама аль-Мулька, автора «Сиасет-намэ», или лейб-медика короля Франции Франсуа Кенэ, автора «Экономической таблицы»). Лишь в России начала XVIII в. на короткий срок возникла парадоксальная ситуация, когда талантливый простолюдин мог надеяться лично встретиться с «царем-батюшкой» (известно, например, что Посошков в 1700 г. лично докладывал Петру I об одном из своих изобретений для нужд армии) и изложить ему свои чаяния. (Конечно, во время таких встреч царь предпочитал давать указания, а вовсе не получать советы, но простонародное сознание россиян всегда было склонно идеализировать высших правителей.) В результате «Книга о скудости и богатстве» остается, видимо, *единственным в мире образцом комплексного и систематизированного изложения простонародных взглядов на то, «как государство богатеет».*

Если оправдана гипотеза «простонародности» взглядов И.Т. Посошкова, то вопрос о том, к какой экономической школе его отнести, автоматически снимается. Интерпретация «посошковизма» как голоса «безмолвствующего большинства» в принципе сохраняет за Посошковым статус первого русского экономиста, однако выводит его за границы российской экономической науки¹. При таком подходе Иван Посошков является предшественником скорее Нины Андреевой, чем А.А. Аузана, Е.Т. Гайдара, В.М. Полтеровича, Е.Г. Ясина etc.

Научные школы — это институт элитной культуры, в рамках которой существует установка, как на преемственность, так и на критику идей предшествен-

¹ Основоположителем российской экономической науки в таком случае следует считать либо М.В. Ломоносова (см. по этому поводу в данном номере журнала статью М.А. Рогачевской), либо кого-либо из ученых поколения И.К. Бабста, А.И. Чупрова и Н.Ф. Даниельсона.

ников. У простонародного мышления школ нет, здесь существует только представление о неизменной Истине, любые отклонения от которой априори отвергаются. Научное мышление может быть как нормативным (изучение того, что должно быть), так и позитивным (изучение того, что есть). Простонародное мышление не терзается сомнениями по поводу понимания «картины мира», оно обязательно направлено на «наведение порядка». Таких «простонародных» мыслителей, охотно высказывающихся на тему «Сталин бы навел порядок!», можно в избытке встретить и в современной России. Голос этого «безмолвствующего большинства» часто можно услышать в быту, но очень редко он прорывается в печать (как это было в 1988 г. со статьей «Не могу поступаться принципами»).

«Восточный деспотизм» простонародной экономической мысли

В этой связи можно по-новому взглянуть на явные «восточно-деспотические» черты в рекомендациях Посошкова. Даже у мыслителей древнего Китая существовало представление о неоднозначности истины: в полемиках легистов и конфуцианцев осуществлялся поиск оптимальной «дозы» государственного регулирования. «Простонародное» мышление не различает полутонов и склонно любую «правильную» идею доводить до логического конца.

До наших дней продолжается дискуссия о том, в какой степени «восточный» (авторитарно-коллективистский) тип ментальности типичен для россиян. Одни говорят о многовековом восточном «культурном генокоде» («воля — слово вам незнакомое, вы все с детства в цепи закованы»), другие — о многовековой склонности к бунту и к протесту против государственного угнетения. «Книга о скудости и богатстве», если рассматривать ее как голос российского «безмолвствующего большинства», показывает, что, к сожалению, пожалуй,

ближе к истине сторонники точки зрения о восточном «культурном генокоде». Судя по книге И.Т. Посошкова, авторитарные «эксперименты» российского государства во многом опирались на простонародные ожидания и одобрения регламентации. Давно замечено, что в России «верхи» и «низы» являются «скованными одной цепью, связанными одной целью».

Посошков бесконечно далек от либеральных предложений дать людям делать *свои* дела, а делам идти *своим* ходом (*laissez faire, laissez passer*). Он твердо уверен, что люди должны служить *государственному* делу, а все дела должны осуществляться строго по *государственному* регламенту. Отсюда — сильное сходство простонародного взгляда И.Т. Посошкова с трактатами восточных мыслителей из стран азиатского способа производства.

Традиционным восточным обществам (особенно, китайскому) хорошо знаком жанр трактатов о том, как следует обеспечить «правильное» государственное хозяйство. Общим лейтмотивом таких трактатов является представление о почти безграничных возможностях мудрого правителя страны, поскольку он может по своей воле распоряжаться всеми ресурсами — землей, людьми и всем остальным. В экономической мысли Западной Европы такого дискурса никогда не было, поскольку в западной цивилизации государство ни в античности, ни в средние века не претендовало на роль верховного собственника. Сущность же поземельных отношений в России нового времени лаконично изложена И.Т. Посошковым следующим образом: «...Земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная...» [5, с. 222]. Аналогично оценивал И.Т. Посошков и крепостнические отношения: «Крестьянам помещики не вековые владельцы... а прямой их владетель всероссийский самодержиц, они [помещики] владеют временно» [5, с. 178].

Такое представление о подчиненности частно-помещичьего владения верховной государственной собственности (и вообще априорной подчиненности частных интересов государственным) является веским доказательством принадлежности «Книги о скудости и богатстве» (и российской престолярной культуры XVII–XVIII вв.) скорее к восточной культуре доминирования власти-собственности, чем к западной культуре частнособственнических отношений.

Критика крепостного права и помещичьего землевладения дается И.Т. Посошковым также с позиций защиты интересов не столько общества, сколько государства. По его мнению, «крестьянское богатство — царственное богатство» [5, с. 178], поэтому он призывал к строгой государственной регламентации взаимоотношений крестьян и помещиков. Те, кто интерпретирует взгляды И.Т. Посошкова в духе западной традиции экономической мысли, видят в предлагаемой им системе «государственного крепостничества» ограничение феодальной эксплуатации. Но аналогичные призывы к ограничению произвола частных землевладельцев, которые разоряют крестьян и тем самым лишают государство налогоплательщиков, легко найти, например, в средневековых китайских трактатах. Поэтому можно утверждать, что критика помещичьих хозяйств дана И.Т. Посошковым с позиций не будущего капитализма, а скорее прошлого азиатского (государственного) способа производства. Ведь традиционная восточная общественная мысль постоянно обличала «феодалов», чрезмерно эксплуатирующих крестьян вопреки государственным интересам.

Личный предпринимательский опыт И.Т. Посошкова и общая атмосфера «озабоченности» развитием торговли заставляли его обращать большое внимание на проблемы российского купечества. Но посошковские рекомендации направлены вовсе не на стимулирование свободной конкуренции, а на стро-

гую государственную регламентацию цен и торговли: «И буде взял цену не противю настояция цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу... и высечь батоги или плетьми, чтоб впредь так не делал. <...> А буде кто, хоть на один рубль дерзнет приежжим иноземцам продать какова нибудь товара, без воли вышняго своего командира, то взять на нем штраф... и наказанье учинить кнутом...» [5, с. 119, 120]. Это напоминает скорее советскую борьбу со спекуляцией (разве что в СССР спекулянтов не секли), чем защиту национального рынка. В Китае аналогичные предложения о нормировании цен высказывались еще авторами «Гуань-цзы» в III в. до н.э.

Давно отмечено, что критиковать существующий общественный строй можно двояким образом – либо требуя создания нового общественного строя, либо предлагая вернуться к идеализированному старому строю. Критика в обоих случаях может быть обоснованной, но только в первом случае она будет прогрессивной. Следует в общем согласиться с Г.В. Плехановым, который считал, что Посошков был «московским прогрессистом, то есть... выставляя некоторые действительно полезные для народа и в этом смысле прогрессивные требования, он оборачивался лицом не к будущему, а к прошедшему» [4, с. 116]. Следует только добавить, что, если справедлива наша гипотеза «простонародности», то таким прогрессистом, желающим «светлого прошлого», надо считать не только лично Ивана Посошкова, но и в целом российский народ той эпохи (по крайней мере, значительную его часть).

В плехановской оценке требует уточнения также суждение о прогрессивности идей И.Т. Посошкова. Если бы в Российской империи государство вдруг стало реализовывать посошковскую программу реформ, то в условиях России первой половины XVIII в. некоторые из инноваций (ограничение помещичьей эксплуатации, импортозамещающее производство)

стали бы стимулом развития, в то время как другие (размывание прав частной собственности, регламентация цен, использование неполноценных денежных знаков), несомненно, тормозили бы становление рыночной экономики. Примерно в таком режиме «вперед-назад» российское государство XVIII–XIX вв. реально и осуществляло модернизацию страны: то запрещало помещикам «неприличную торговлю крестьянами» (1771 г.), то вводило военные поселения (1810 г.). Обе эти институциональные реформы вполне соответствовали убеждению И.Т. Посошкова, что царь — «прямой владетель» крестьян и должен бдительно следить за их жизнью, вплоть до предписаний «правильной» постройки хат в деревне. Либеральная идея, что люди способны самостоятельно делать оптимальный выбор и что не надо стричь все, что растет, плохо укореняется в российских умах «вверху» и «внизу» даже в наши дни.

«Простонародные» экономические идеи И.Т. Посошкова хорошо отражают одну из особенностей массовых социально-экономических умонстроений в странах догоняющего развития. Когда правящая элита начинает про-западную копирующую модернизацию, то вызванное этим недовольство значительной части народных масс порождает сильное желание отказаться от копирования «прогнившего» Запада и развивать национальные хозяйственные традиции, которые интерпретируются в духе православия-самодержавия-народности. Это желание особенно усиливается в силу того, что поверхностно вестернизированная политическая элита монополизует управление и приватизирует выгоды от модернизации, одновременно обобществляя убытки от нее. Нечто похожее происходит на наших глазах. Поэтому посошковское стремление избавиться от злоупотреблений путем строгой регламентации всего на свете продолжает жить и в ментальности современных россиян.

Список использованной литературы

1. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. ; пер. с итал. / К. Гинзбург. — М. : РОС-СПЭН, 2000. — 272 с.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. — М. : Искусство, 1990. — 401 с.
3. Латов Ю. В. Иван Посошков как зеркало российской модернизации (к 290-летию рождения российской экономической науки) / Ю. В. Латов // Terra Economicus. — 2013 — Т. 11, № 1. — С. 95-100.
4. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов ; под. ред. Д. Рязанова. — М.; Л. : Госиздат, 1925. — Т. 21 : История русской общественной мысли. Кн. 2, ч. 3 : Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. — 296 с.
5. Посошков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / И. Т. Посошков ; ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — 410 с.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научный центр, Академия управления МВД России, 125171 г. Москва ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru

Author

Latov Yury Valerievich — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading staff scientist, The Centre of Science, Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125171, e-mail: latov@mail.ru